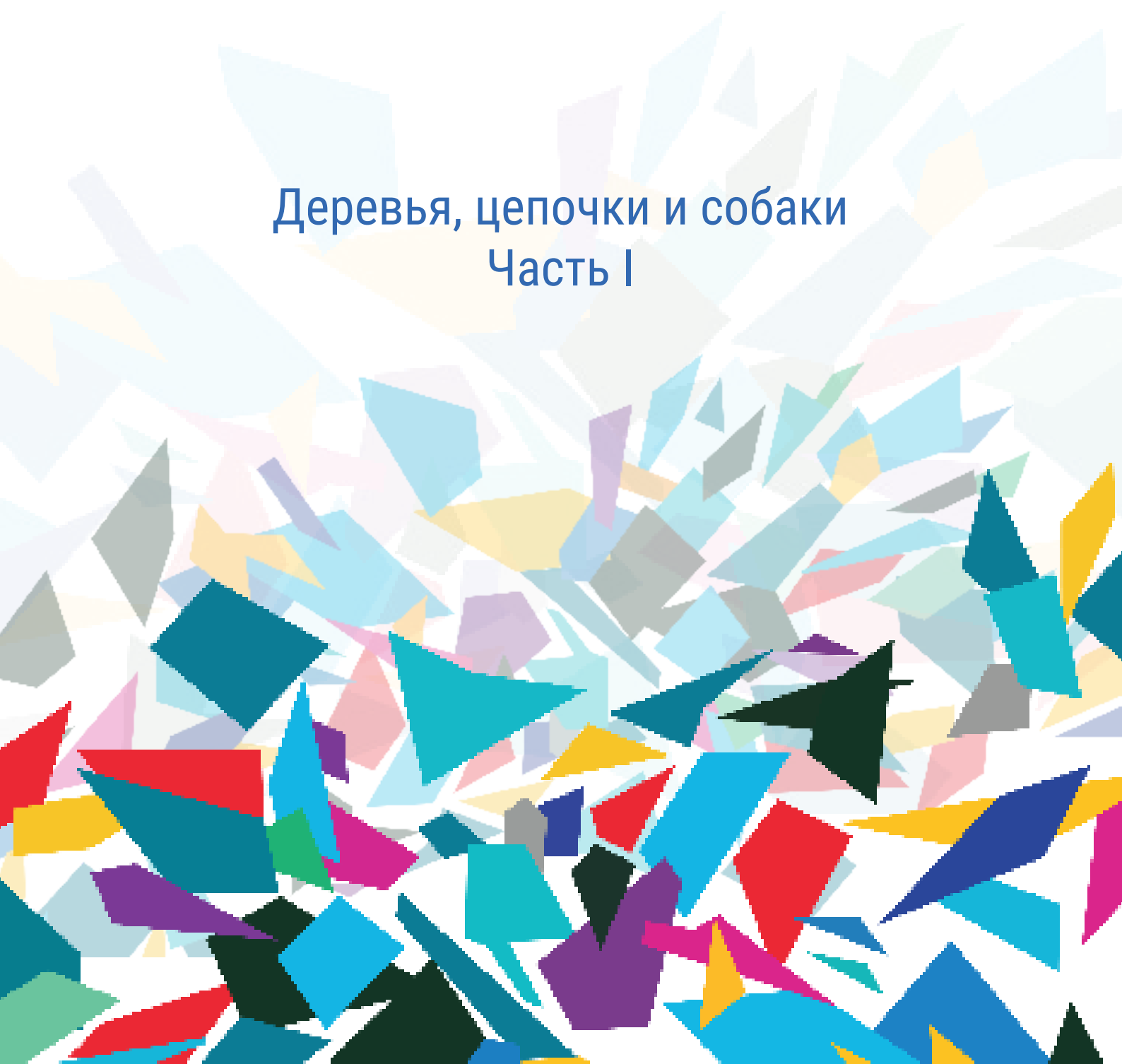

ЯЗЫК КАК ИНСТИНКТ

Деревья, цепочки и собаки
Часть I

Каким же образом Пинкер побил рекорд лауреата Нобелевской премии по литературе. Очень просто. Вот что пишет Стивен Пинкер: «Эта самая длинная фраза у Фолкнера начинается так: «Оба они выдержали это словно состояние нарочитой экзальтации самобичевания...». И цитирует дальше Фолкнера. Пинкер говорит: «Я намерен обрести бессмертие, предоставив побивающий все рекорды результат. Вероятно, мне хватит славы лишь на 15 минут, потому что любой следующий может написать: «Пинкер написал, что Фолкнер писал: «Оба они выдержали это словно состояние нарочитой экзальтации самобичевания...». Но и этот рекорд самой длинной фразы будет побит, как только кто-нибудь предложит следующее: «Кого волнует, что Пинкер написал, что Фолкнер писал: Оба они выдержали это словно состояние нарочитой экзальтации самобичевания...». И так далее, и так далее, и так далее.

О чем это говорит? Этим самым Пинкер хочет подчеркнуть значение языка как особой системы, которая несет определенный код. В сегодняшней лекции мы будем говорить о главе из книги Пинкера, которая называется «Механизм работы языка», о том, как работает грамматика.

Например, фраза «Собака кусает человека» – самая обычная, она не вызывает интерес. Но как только мы, изменив порядок слов, скажем «Человек кусает собаку», мы сразу попадаем в смысловое пространство повышенного интереса.

За счет чего это происходит? Когда мы меняем порядок слов, используя грамматические механизмы, мы можем заметить необычность ситуации. Как выражается Стивен Пинкер, увидеть чудодейственность в нашей способности сообщить другому человеку, что человек кусает собаку, а не собака кусает человека. И таких чудодейств, на самом деле, два. Оба удивительных свойства были открыты европейскими лингвистами.

Первый факт связан со швейцарским языковедом XIX века Фердинандом де Соссюром, основоположником структурализма, структурного языкознания, автором многих теорий, на которые опираются уже несколько поколений. При жизни этого выдающегося ученого была издана лишь одна его работа. А все остальные работы были изданы его учениками.

В чем чудо языка, которое удивляет Стивена Пинкера? В том, что язык – это система знаков, но знаков совершенно произвольных знаков. Произвольность знака – это полностью условное соответствие звука смыслу.

Как происходит этот процесс? Мы уже говорили о том, что ребенок соотносит зрительный образ или сенсорный образ с определенным звуковым образом. Для него это становится символом. Но сами звуковые символы – совершенно произвольны. Само слово «собака» – не бегаёт, не кусается, не виляет хвостом. Это слово, которое в русском языке состоит из 6-ти фонем – с, о, б, а, к, а. В казахском – из двух – и, т. В английском – из трех – d, o, g. Понятно, что именно в этом языке это значение обретает такую форму. И это совершенно условная форма.

Второе чудодейство, которое лежит в основе языкового инстинкта, по Стивену Пинкеру, связано с именем выдающегося ученого Вильгельма фон Гумбольдта. Дипломат, выдающийся политический деятель, основатель Берлинского университета. Он считается основоположником теоретического языкознания. Пинкер считает, что фон Гумбольдт явился предтечей Хомского. Именно он сформулировал идею о том, что язык оперирует конечным числом средств для производства бесконечного числа возможностей. Именно это и заставило Стивена Пинкера побить рекорд Уильяма Фолкнера по самому длинному предложению.

Дело в том, что грамматика любого языка – это пример дискретной комбинаторной системы. Язык – не просто система правил. Грамматика – это система. И система комбинаторная, система дискретная. Что это означает? Это означает, что конечное число дискретных элементов не очень велико. Но в различных комбинациях они могут складываться в гораздо большее число вариантов. И количество скомбинированных вариантов порождает бесконечное множество выражений.

В мире существует еще только одна дискретная, комбинаторная система. Это система ДНК. В ДНК есть 4 первичных элемента, нуклеотида, белка. Эти белки комбинируются в 64 кода. И эти 64 кода комбинируются в миллиарды вариантов.

То же самое происходит и в грамматике предложений. Фраза организуется довольно устойчивым образом. Существуют основные синтаксические группы – номинативная группа и глагольная группа. Они могут быть простыми, могут быть сложными. К ним вспомогательные группы, наречные. Комбинации этого ограниченного числа кодонов, синтаксических групп

ведут к бесконечному множеству предложений и выражений мысли. Это первое что, на чем следует заострить внимание, когда вы изучаете книгу «Язык как инстинкт».

Центральная идея книги – генеративная грамматика. По аналогии с ДНК. Нейрофизиологи предвосхитили открытие генеративной грамматики, перенесли структуру ДНК на лингвистику, в область языка. Примечательно то, что лауреат Нобелевской премии генетик Нильс Эрне назвал свою лекцию «Генеративная грамматика иммунной системы».

Но нужно сказать, что подавляющее большинство всех сложных систем, которые существуют в мире, не являются дискретными, комбинаторными системами. Эти системы являются контаминационными системами. Контаминационные системы – это системы, в которых происходит смешивание элементов. И в результате этого смешивания появляется бесконечное количество новых качеств. Смешивая чисто белый цвет и чисто черный цвет, мы получаем различные оттенки серого. То же самое и в неязыковых, и не генных системах, будь то системы в социологии или в политических науках. Народы влияют друг на друга путем смешения путем смешанных браков, культурных контактов, политических контактов и так далее. Этногенез, конечно, контаминационная система. Но сам генный код каждого человека – индивидуален.

То же самое происходит и с языками. Языки формируются в ходе глоттогенеза. Лексическая база языка обогащается путем заимствований из других языков. А грамматическая система языка сохраняется неизменной. Это комбинаторная система. Любое заимствованное слово встраивается в грамматическую систему языка.

Любой язык сохраняет свою неповторимую суть. Особенно ярко это видно на примере русского языка. Грамматика русского – одна из самых сложных в европейских языках. Но посмотрите, сколько в русском языке заимствований. В истории русского языка можно вычлени некую основу, которая является протославянской. И на нее в ходе исторического и культурного развития накладываются разные пласты слов. Самый мощный – это, конечно, тюркский. Все слова, которые начинаются на Ж или на Я в русском языке, как правило, имеют тюркское происхождение.

Следующий период – это период взаимовлияний с немецкой культурой. Он связан с Петровской эпохой. Названия многих предметов, инструментов и профессий имеют германское происхождение.

После большое влияние на русский язык оказала французская культура. Сейчас в русский язык приходит много англицизмов. Тем не менее русский язык остается русским языком, потому что его грамматика остается дискретной комбинаторной системой.

Любое слово, которое мы заимствуем, мы не заимствуем в чистом виде. Мы его адаптируем именно к грамматике собственного языка. То же самое сейчас происходит и с казахским языком. Хотя грамматический принцип казахского языка совершенно иной, чем в русском языке, мы повсеместно видим, как русские и синтаксические группы слов целиком входят в казахский язык.

Хомский и Пинкер внесли огромный вклад в развитие языкознания и философии, введя понятие дискретная комбинаторная система. Но, конечно, они не были первыми. Мне вспоминается фраза Рене Декарта, который задолго до Фердинанда де Соссюра и даже задолго до Вильгельма фон Гумбольдта сказал: «По тому, как от перестановки букв в слове меняется само слово, так и от перестановки слов в предложении меняется смысл всего предложения». Но Декарт говорил это применительно к логике и к методам исследований, к методам размышлений. Ноам Хомский и Стивен Пинкер экстраполировали и развили эту идею в области грамматики, что и привело к пониманию такого ключевого понятия современной лингвистики и философии языка как генеративная грамматика.

Какие следствия вытекают из этого? Первое – это абсолютная бескрайность языка, о которой мы говорили. И второе – грамматика является кодом, независимым от индивидуального сознания человека. Грамматику изменить нельзя произвольно. Нельзя ввести новые грамматические правила. Их можно только зафиксировать. Но изобрести новое грамматическое правило невозможно. И это позволяет Стивену Пинкеру говорить о том, что грамматика – это код, которым владеют все инстинктивно. Вот почему Стивен Пинкер рассматривает язык как инстинкт. Как он аргументирует это следствие?

Грамматика указывает, как должны сочетаться слова для передачи значений. Это указание не зависит от конкретных значений, которые мы обычно передаем или ожидаем получить от других. Благодаря этому все мы чувствуем, что некоторые цепочки слов, которым можно дать осмысленное толкование, не соответствуют грамматическому коду английского языка. То есть здесь открывается ответ на вопрос, почему многие люди говорят неправильно.

Пинкер считает, что грамматическая неправильность – это просто следствие того, что у нас имеется встроенный код для толкования предложений. Мы интуитивно чувствуем, что что-то неправильно. Сначала дети говорят неправильно, так, как слышат. И нам забавно это смотреть. Но код различается, наверное, уже в 2,5 – 3 года. И это особенно видно на примере двуязычных семей. У ребенка, который вырастает в активно двуязычной семье (под активным двуязычием я имею ввиду ситуацию, когда один из родителей говорит на правильном русском языке, а второй родитель разговаривает с ребенком только на правильном казахском языке. Никаких пиджин-русских и шала-казахских историй), формируется сразу два грамматических кода. Если внимательно следить за развитием речи у детей, можно найти очень много интересных наблюдений, которые зачастую подтверждают тезисы Стивена Пинкера и общую теорию Ноама Хомского, которую он популяризирует.

Речь о том, каковы могут быть принципы дискретной работы этой комбинаторной грамматики, мы продолжим в следующей лекции.